

- ²⁵ Болезненным диссонансом для «совестливого» Тимофея выглядит отношение декабристов к собственным лакеям во время «застольных бесед»: «Они обсуждали свои намерения и за это поднимали бокалы, их денщики сбивались с ног, подливая им и поднося и выслушивая упрёки в нерасторопности, а я думал: легко благодетельствовать всё отечество, понукая собственного мужика» (243).
- ²⁶ В сущности, новаторство Карамзина заключалось именно в том, что он «приравнял» в способности к самовольному уходу из жизни неграмотную крестьянку к интеллектуальному Вертеру или героическому Катону. Смелость автора «Бедной Лизы» лучше всего видна из сравнения с произведениями его последователей, «эпигонов», большинство которых либо повышали социальный статус героини, либо заменяли самоубийство смертью «с грусти» (См.: Ландшафт моих воображений : Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин. М., 1990).
- ²⁷ Карамзин Н. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Карамзинский сборник. Вып. 1. Остафьево, 2011. С. 61.
- ²⁸ Карамзин Н. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 53–54.
- ²⁹ Словарь Академии Российской. Ч. 5 : От Р до Т. СПб., 1794. Стлб. 1–2.
- ³⁰ Фонвизин Д. Собр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1959. Т. 1. С. 169.
- ³¹ Радищев А. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 54.
- ³² Там же. С. 94.
- ³³ «Екатерина уничтожила звание (справедливее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян» (Пушкин А. Указ. соч. Т. 8. Л., 1978. С. 92).
- ³⁴ «Минувшее меня объемлет живо...» (Ю. Давыдов, Я. Кросс, Б. Окуджав, О. Чиладзе об историческом романе). Беседу вёл Ю. Болдырев // Вопр. лит. 1980. № 8. С. 131.
- ³⁵ Там же. С. 129.
- ³⁶ Там же. С. 137–138. Об этом же см. в сборнике ответов на записки и вопросы из зала во время концертов: Окуджав Б. «Я никому ничего не навязывал...» / сост. А. Петраков. М., 1997. С. 91–125.
- ³⁷ Трус Л. Философия ответственности (Попытка психологического анализа одного романа Б. Окуджавы) // Голос надежды : Новое о Булате Окуджаве. М., 2004. С. 202.
- ³⁸ Там же. С. 206.
- ³⁹ Там же. С. 208.
- ⁴⁰ Там же. С. 209.
- ⁴¹ Поэтика и функции мотива крови подробно рассмотрены А. В. Карстен. Она отмечает его «многоплановость» (в частности – двойственность значения: кровопролитие и признак родства), пишет, что «именно через него соединяются конкретно-исторический уровень повествования (тематический аспект мотива) и авторский, философский (концептуальный аспект мотива)», и приходит к выводам, что данный мотив является, по терминологии Б. В. Томашевского, «свободным, доминирует над сюжетом. Он принадлежит не героям, в “записках” и речах которых включается в произведение, а автору, и реализуется как его “голос”, звучащий поверх сюжетного повествования <...> мотив крови и сопутствующие ему подмотивы и на генетическом, и на структурно-семантическом уровне обнаруживают свою поэтическую природу, являясь метафорами, раскрывающими картину мира писателя <...> Отсылая читателя через мотив крови и его подмотивы к собственному творчеству <...> автор усиливает “современный” и одновременно “вечностный” планы повествования» (Карстен А. Семантическое наполнение мотива крови в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 74, 73, 76). На материале двух романов: «Бедный Авросимов» и «Свидание в Бонапартом», и в системе других мотивов мотив крови проанализирован в работе: Карстен А. «Декабристские» мотивы в исторической прозе Б. Окуджавы : проблема эволюции // Голос надежды : Новое о Булате. Вып. 8. М., 2011. С. 321–333.

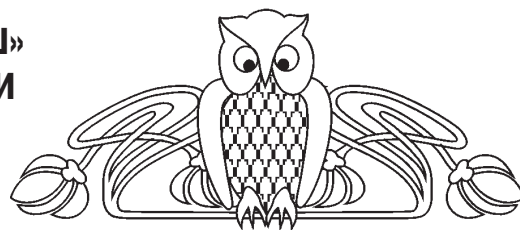
УДК 821.161.109+929 Писемский

РОМАН А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» В ОТЗЫВАХ СОВРЕМЕННОЙ ЕМУ КРИТИКИ

О. В. Тимашова

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Статья содержит полный и систематизированный, сопоставительный анализ критических отзывов на роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ» в современных ему печатных органах. Анализ проводится с позиций журнальной полемики о характере таланта Писемского, новациях образа главного героя и проблематики романа и его отношения к «обличительной литературе» 1850-х гг.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, роман «Тысяча душ», А. В. Дружинин, П. В. Анненков, Ап. Григорьев, Е. Эдельсон, С. С. Дудышкин, Д. Н. Ашхарумов, М. Ф. де-Пуле, Е. И. Покусаев, журналы «Отечественные записки», «Русское слово», «Русская беседа», «Атеней», альманах «Весна», «обличительная литература» 1850-х гг.

A. F. Pisemskiy's Novel *A Thousand Souls* in Contemporaneous Critical Reviews

O. V. Timashova

The article contains an overall systematic and comparative analysis of the critical reviews on A. F. Pisemsky's novel *A Thousand Souls* in the contemporaneous printed media. The analysis is done from the following points: journal discussion of the type of Pisemsky's talent, innovations in the image of the main character, and the novel problem range and its relation to the «accusatory literature» of the 1850s.

Key words: A. F. Pisemsky, novel *A Thousand Souls*, A. V. Druzhinin, P. V. Annenkov, Ap. Grigoriev, E. Edelson, S. S. Dudyshkin, D. N. Ashkharumov, M. F. de-Pule, E. I. Pokusaev, journals *Otechestvennye zapiski*, *Russkoe slovo*, *Russkaya beseda*, *Atenei*, almanac *Vesna*, «accusatory literature» of the 1850s.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-173-179

Появление первого романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858) – о поражении честного чиновника Калиновича, во имя борьбы с коррупцией и злоупотреблениями государственной машины решившегося на нравственные компромиссы, – вызвало огромный интерес русского пореформенного общества. Как и в связи с появлением повести «Тюфяк» (1850), «Очерков из крестьянского быта» (1852–1856), а позднее драмы «Горькая судьбина» (1859), не нашлось критика, который не откликнулся бы на появление произведения Писемского – в специальных статьях или кратких тезисах¹.

Замечания современных автору рецензентов были подхвачены в исследовательских трудах XX – начала XXI вв. о поэтике Писемского, отдельные легли в основу собственных концепций², сделались основой диссертационных рассуждений³. Попытку воскресить лица и важность полемики для широкого читателя предпринял в популярной монографии Л. Аннинский⁴.

Назвавший появление романа Писемского «знаменательным фактом в физиологии нашего общества»⁵ Ап. Григорьев предпринял первый опыт систематизации критических откликов на «Тысячу душ», проведя черту между национальным, православно-нравственным прочтением и циничными оценками «петербургских» изданий. Последние, симпатизируя Калиновичу, с западной точки зрения пытались оправдать его действия: «Сочувствие Петербургских критиков Калиновичу... понятно. Он Петербуржец до мозга костей; <...> порождение бюрократизма, доведенного до поэзии...» (РБ. 1859. № 2. Отд. 2. С. 17).

Е. И. Покусаев подтвердил догадки Ап. Григорьева о том, что оценки романа Писемского современными ему изданиями теснейшим образом связаны с их общественными программами: «Либерально-дворянская критика ...разделилась на два лагеря. Один – во главе с «Отечественными записками» и «Русским вестником» видел в Калиновиче... борца за прогресс..., администра-

тора-преобразователя... Другой... во главе со славянофильской «Русской беседой» не усматривал в Калиновиче положительного героя...»⁶ В своей фундаментальной работе о русской беллетристике 1850-х гг.⁷, созданной и напечатанной в Саратове, ученый выделил из массы популярных сочинений «обличительной литературы» «серьезные попытки создать положительный образ»⁸ героя-реформатора (Калинович, Жадов). Им впервые указаны причины неприятия «Тысячи душ» радикальной критикой (Н. А. Добролюбов). Ученый мотивировал демонстративное отсутствие у него развернутых рецензий тем, что Писемский «ограничил круг... действий Калиновича целями... административного преобразовательства, ... защиты ... режима, а не разрушения...»⁹ Концептуальные выводы Е. И. Покусаева не были, однако, учтены позднейшей наукой, которая, отметив важность полемики для судеб русской журналистики и творческой биографии Писемского¹⁰, выводила ее целиком из предшествовавших традиций оценки писателя, мало обращая внимания на изменение эпохи и появление новых изданий. Кроме того, свежий анализ полемики необходим потому, что и внутри двух указанных Покусаевым «лагерей» (сторонников «чистого искусства» и славянофильского) с началом реформ произошла дифференциация. Углубленный анализ каждого журнального отзыва – будь то прославленный критик или малоизвестный рецензент – с одной стороны, поможет уяснить особенности творческой индивидуальности Писемского и значение романа в глазах его современников, с другой – уточнить позиции центральных изданий того времени.

Действительно, как отмечено Н. С. Оганян¹¹, отзывы о романе ведущих изданий и критиков 1850-х гг. (А. В. Дружинин, П. В. Анненков, Ап. Григорьев, Е. Эдельсон, С. С. Дудышкин) явились продолжением их предшествующих наблюдений за становлением поэтики писателя; но во многом они и отошли от привычных концепций.

Так, «Отечественные записки», в которых был опубликован роман, традиционно для себя отдают должное Писемскому-разоблачителю литературных штампов. Журнал моделирует, как Писемский должен был закрутить сюжет, в духе типических «обличительных» драм, чтобы понравиться лицемерной публике: «...Лучше, ... если б автор вывел идеально-прекрасное лицо... [Калиновича], который по любви женится на племяннице князя..., и потом за ... заслуги награждается высоким постом и общим почетом!»¹²

С. Дудышкин – обозреватель «Отечественных записок» – оправдывал жестокий выбор Калиновича, указывая на общественный характер поставленных им перед собою задач («ему предстояло: или вечно оставаться зрителем... училища... Или бросить Настеньку и искать деятельности...»), в отличие от «тех юношей, которые» мечтают «ничего не делать» (ОЗ. 1859. № 1. Отд. 2. С. 16). С точки зрения Дудышкина, появление «Тысячи

душ» подняло его автора на новый уровень. Если ранее журнал видел в Писемском-авторе «Брака по страсти» и «Очерков из крестьянского быта» наблюдательного быто- и нравописателя¹³, теперь ценит в произведении обличение общественных пороков. Писемский призывает задуматься, почему у нас «не учение, не образованность, не энергический характер, а жена дает... положение в обществе» (ОЗ. 1859. № 1. Отд. 2. С. 17). Трусовость российского общества, раскрывает Степан Семенович очевидную для него авторскую концепцию финала, предопределила и падение реформатора в борьбе с «влиятельным человеком», взяточником Раменским: «Князя вы не убьете: у него сто голов... Князь Раменский... выше губернского предводителя, он важнее губернатора, он – наше общество» (ОЗ. 1859. № 1. Отд. 2. С. 18).

Исключительно высокая, но ожидаемая публикой оценка проблематики романа Писемского объединила представителей «эстетической критики» (А. В. Дружинин, П. В. Анненков), а также бывших сотрудников «молодой редакции» журнала «Москвитянин», сгруппировавшихся вокруг новых изданий – «Русское слово», «Русская беседа» (Ап. Григорьев, Е. Эдельсон).

Мы можем говорить о том, что в работе П. В. Анненкова, опубликованной в новом независимом журнале «Атеней» (1858–1859), наиболее отчетливо сформулированы выводы, суммирующие наблюдения рядовых критиков, подобных Дудышкину, над новациями романа Писемского. Анненков называет их исходной точкой появления нового центрального персонажа в сравнении с традиционным в русском романе образом «лишнего человека»: «Автор заключил фалангу мыслящих и бездействующих героев... литературы нашей выводом на сцену лица... трижды деятельного: на литературном, жизненном и гражданском поприще», «ополчившегося на злоупотребления и начавшего истреблять их... иногда помимо закона»¹⁴. Анненков, не без колебаний, относит Калиновича к отрицательным персонажам, даже отметив «меняющиеся отношения автора к герою» и «нечто похожее на сочувствие»¹⁵ к нему в финальной части.

Падение Калиновича, по убеждению критика, мотивируется причинами нравственными: он не достоин преобразовывать общество, поскольку вследствие морального компромисса оказался на одном с ним духовном уровне: «Калинович есть произведение той... почвы, которую он хочет исправить». Поэтому вполне закономерен и поучителен, считает представитель «эстетической критики», финал романа: «Калинович... отстранен, и жизнь потекла... со всеми... явлениями, которые... возмущали душу рьяного реформатора..., как будто его... не было...»¹⁶

А. В. Дружинин расширяет масштаб сравнительных наблюдений Анненкова, заявляя, что образ циника Калиновича сложнее по замыслу, нежели у европейских реалистов и даже Бальзака: «Перед нами не бальзаковский Растиньяк, ... проникнутый

одной идеею: разбогатеть...»; «честолюбец..., жаждущий... играть роль в обществе, но... развитый нравственно, ... заносившийся в возвышенные области мышления». Но, в противоположность Анненкову, Дружинин симпатизирует Калиновичу и видит оправдание героя в нравственной борьбе: «Калинович делает... низость..., но чего ему стоит каждая низость, как борется он с необходимостью зла...»¹⁷. Проступки «делового» героя Писемского искупаются «трусами» на благо общества.

Близкие Дружинину оценки романа высказал критик бывшей «молодой редакции» журнала «Москвитянин», в котором некогда дебютировал Писемский, – Е. Н. Эдельсон. Эдельсон сосредоточивается, подобно Дружинину, на оправдывающих героя трудах и нравственной борьбе: «...Нравственное падение обошлось недешево Калиновичу <...> Достигнув... богатства и поста, он не успокоился... И началась его настоящая, благородная деятельность...»¹⁸ В ответ на провозглашение Эдельсоном Калиновича одним из лучших представителей современного чиновничества другой бывший представитель «Москвитянина», Ап. Григорьев, полемически заявил, «что в лице Калиновича мы не можем признавать героя времени» (РБ. 1859. № 2. Отд. 2. С. 17). Давние внутренние противоречия между членами «молодой редакции» Ап. Григорьевым и Е. Эдельсоном по вопросу о характере и ценности творчества Писемского после появления «Тысячи душ» приняли открытые формы, породив редкое явление: полемику между членами редакции одного журнала. Статья о нем пришлась на переходное время в жизни «Русского слова», когда на его страницах публикуются А. Н. Майков, А. А. Фет, Е. Эдельсон и сам Ап. Григорьев, но наряду с ними – М. Михайлов и Г. Благодетлов. Можно с долей уверенности предположить, что раскол в среде бывших членов «Москвитянина», связанный с оценкой романа Писемского, изменил расстановку сил на журнальной арене: ослабил их позиции в журнале, способствовал их вытеснению и радикализации позиций еще одного русского издания в преддверии 1860-х гг.

Неисправимый романтик, Ап. Григорьев с годами укреплялся в мысли, что культурные влияния: театр, университет (а Калинович является в романе выпускником Московского университета) – являют нравственную прививку от жизненной пошлости и падения. А потому и образ Калиновича, по его убеждению, не отличается внутренним психологизмом, в который раз демонстрирует цинизм автора и падение современной словесности. Оппонентами Григорьева оказались столь разные критики, как начинающий Н. Д. Ашхарумов и опытный А. В. Дружинин. Последний корректирует утверждение об отсутствии нравственного влияния Московского университета, утверждая, что следы его обнаруживаются в лучших чертах героя Писемского: «Между сотней слоев..., составляющих ... характер Калиновича..., образо-

вавшийся вследствие московского воспитания, играет... спасительную роль. Без него Калинович потерял бы не одну из своих... лучших сторон...» (БДЧ. 1859. № 2. Отд. 4. С. 10–11).

Как и «Атений», в котором публиковался Анненков, появившийся на гребне реформ альманах «Весна» на 1859 г. (столь «высоко» оцененный Добролюбовым), редакторами которого были братья Ашхарумовы, стремился сохранить нейтралитет по отношению к общественным столкновениям в литературе¹⁹. Писемский-романист, полемизирует с Ап. Григорьевым, следует идеалам; но идеал заключается в возможно более правдивом изображении действительности, а потому Калинович есть идеальный герой современного романа, герой времени: «Такой характер... находится в разладе с идеалом..., но так как этот разлад... в... жизни... не только существует, но даже первенствует, то автор... не обязан... принимать на себя ответственности ни за то, что вывел его... в лице Калиновича, ни за то, что сосредоточил на этом лице главный интерес... романа...» (В. 1859. Отд. 2. С. 298).

Наряду с этим утверждением злободневности романа, противореча себе, Ашхарумов разделяет выдвинутое Ап. Григорьевым природное деление людей на «смирных» и «хищных». К последним критик «Весны» относит Калиновича, «по темпераменту... принадлежащего к хищной породе людей, которая питается кровью и плотью слабейших. <...> *Право есть сила*, – вот их девиз» (курсив автора. – О. Т.). Критик рассуждает об инстинктивности и вневременности «хищных» порывов героя («Такие люди не слишком совестливы... По своей организации они не могут обойтись без жертв»). Со своих позиций рецензент «Весны» считает неправдоподобным кульминационный эпизод романа: растерянность Калиновича по прибытии в столицу, не соответствующую его прежней и будущей деловой хватке: «Но едва он увидел..., что победа не дается без боя, а в бою можно пасть..., – он бросил... свои планы, упал духом... Это уже не боец..., жалкий мальчишка, которому остается только продать себя за деньги...» (В. 1859. Отд. 2. С. 307). В разоблачении «практического» героя Ашхарумов превосходит Анненкова, отказывая Калиновичу в возможности испытывать угрызения совести: «Он как будто... делит минуты сердечных ощущений на две неравных доли и... говорит: вот эту... я уступаю, ради приличия, чувствам любви, чести и долга угрызения совести...» (В. 1859. Отд. 2. С. 304). Ашхарумов, подобно Анненкову, уверен, что финальный конфликт Калиновича с обществом неизбежно должен кончиться его поражением; но в трактовке Николая Дмитриевича финал романа приобретает значение почти мистической расплаты за грехи: «Интерес ее [развязки]... сосредоточен на Калиновиче, а противодействующее ему... общество... – играет роль слепых орудий судьбы» (В. 1859. Отд. 2. С. 315).

Среди немногих, кто разделил взгляды Ап. Григорьева на скромное место в литературе и ограниченный характер дарования Писемского, оказалась «Русская беседа» в лице ее нового обозревателя М. Ф. де-Пуле (практически не обратившего на себя внимание науки). При внимательном анализе бросается в глаза эклектичность эстетических позиций начинающего критика, свойственная, как мы полагаем, молодому поколению рецензентов, вступившему в полемику в бурные шестидесятые. Де-Пуле, возрождая отвергнутые С. С. Дудьшкиным взгляды, утверждает, что дарования Писемского хватает на сатирические или бытовые повести: «...Автор “Тюфяка” и “Хозарова” заслужил любовь ее [публики] мастерством рассказа, бойкостью кисти и объективным представлением жизни, в чем... не имеет соперников»²⁰. Он так же невосхищен ставит прославленную Эдельсоном еще в начале 1850-х гг. психологическую «скупость» писателя и, вслед за Ап. Григорьевым, обуславливает ее недостаточностью таланта: «...Писемский очень скуп на лирические отступления и не любит оставлять своих героев самих собою, – обстоятельство, препятствующее <...> заглянуть в их души» (РБ. 1859. № 2. Отд. 3. С. 63).

В этом своем центральном тезисе, как и в требованиях от писателя, помимо сходства с действительностью, обнаженной идейности («написанные бойкою кистью, образы г. Писемского поразят вас сходством... и только. Вы не имеете возможности прочесть в них более того, что дано им художником»), М. Ф. де-Пуле, на наш взгляд, сближается с Добролюбовым. Его рассуждения дополняют и развивают те немногие замечания, которые счел возможным обронить о Писемском радикальный критик. Так, причисляя Калиновича к «непрощеным спасителям нашего общества», де-Пуле задается риторическим вопросом: «Скажите..., годится ли герой ваш в общественные спасители и нуждается ли в нем общество?». Напоминая читателю его «подвиги – обмана, подлости, сделок бесстыдных!» – Михаил Федорович убеждает публику, что Писемский, «талантливый реалист, поставил себя в ложное отношение к этой личности»: «...Сентенции Калиновича... располагают читателя в его пользу..., но... вопросы не дают вам покою... На что устремляется его энергическая воля?» (РБ. 1859. № 2. Отд. 3. С. 68). Категоричный ответ молодого критика: «Стремление к комфорту, роскоши, аристократичности» – игнорирует всё, что сказано автором в защиту героя: его угрызения совести, желание улучшить жизнь общества и посвятить себя труду. Калинович – «чисто практический человек... пятидесятых годов», его жизненная драма есть всего лишь трагедия несостоявшейся карьеры, «трагедия бюрократизма» (Там же).

В ответ на предполагаемый логичный вопрос публики: «Что же... делать Калиновичу, одаренному сильной волей и жаждой деятельности,

когда общественного поприща... нигде не предостояло?» – де-Пуле предлагает герою Писемского, подобно «лишнему человеку», отстранением от мирских треволнений сохранить благородство: «...Лучше бы этому большому кораблю стать на мель, чем плыть... по мутной Коцете» (РБ. 1859. № 2. Отд. 3. С. 68). Таким образом, рассуждения де-Пуле, доведшего до логического конца тезисы радикальной критики о заурядности романа и ничтожестве героя, помогают понять, почему осторожный Добролюбов уклонился от развернутого анализа романа Писемского. В ходе его неизбежно возникли бы указанные нами противоречия и, в конце концов, уязвимость требований всегда и во всем сохранять благородство во «взбаламученном море» житейской борьбы.

В рецензиях на «Тысячу душ» анализу всегда предшествовал общий обзор феномена «обличительной» беллетристики, а фактически состояния русской словесности конца 1850-х гг. Рецензенты сходились на том, что читателю надоели поучительные произведения, в которых художественность принесена в жертву злободневности: «...Произведения, принимающие... литературную форму, должны удовлетворять... строгим требованиям; горячности и... благородного образа мыслей... недостаточно...» (РС. 1859. № 1. С. 49); «в последнее время Русская публика... утешилась от чтения обличительной литературы...» (РБ. 1859. № 2. Отд. 3. С. 49–50); «...неприятно видеть желчного догматика, наводящего... лорнет на вашу работу с... решимостью прогнать ее сквозь строй... непреклонных... убеждений» (В. 1859. Отд. 2. С. III–IV).

Появление «Тысячи душ» дало право Е. Эдельсону заявить: «Новый роман г. Писемского... отличаясь художественными достоинствами... представляет в то же время... образчик... важного общественного значения, какое... должно иметь поэтическое произведение...» (РС. 1859. № 1. С. 49–50). Соглашаясь с ним, С. Дудышкин утверждал, что в основе романа Писемского – исследование прямых взаимоотношений человека и законов общества, в бытовых ситуациях: «Не наблюдение над... атмосферой составляет для г. Писемского первый вопрос, а люди, живущие в этой атмосфере; не наблюдения над делопроизводством..., а влияние... на... каждого, если он не машина, а человек» (ОЗ. 1859. № 1. Отд. 2. С. 20). В частности, любовный сюжет играет у Писемского подчиненную роль: «Князь Раменский и Калинович, два главные лица вести, по задуманному автором плану. Возле них даже образ Настеньки становится второстепенным...» (ОЗ. 1859. № 1. Отд. 2. С. 18). Оригинальностью изображения взаимоотношений человека и мира мотивируется и симпатия Н. Д. Ашхарумова к роману Писемского, который «написан не для того, чтобы доказать какую-нибудь теорему...» (В. 1859. Отд. 2. С. 297).

Попытки охарактеризовать эту новизну и определить тип прозы Писемского объединяют

жанровые наблюдения над романом. Эдельсон сосредоточивается на национальной традиции и призывает увидеть в романе искупление многовекового долга русской словесности перед чиновничеством: «...Странно... положение целого сословия, в котором... есть люди честные..., без которого... нельзя обойтись и... которому со стороны литературы не находится ни слова сочувствия к лучшим стремлениям...» (РС. 1859. № 2. С. 59).

«Нравственное добро», или «возвышение природы человека»²¹ ставилось Анненковым в прямую зависимость от соответствия жанрово-композиционных принципов произведения эстетическим канонам. В соответствии с задачей: указать новое течение внутри известного жанра – анализ Павла Васильевича строится на регистрации малейших отступлений от привычных перипетий, характеров, развертывания конфликта и т. д., а также и доказательствах того, что это новаторство применительно к «Тысяче душ» укладывается в задачу автора и не выходит за рамки потенциальной европейского романного жанра.

Напротив, Дружинин приходит к выводу, что роман Писемского принадлежит к новому «на русском языке» жанру, а его автор относится к художнику иного типажа, нежели Тургенев и Гончаров. В отличие от последних, «писателей-поэтов», Писемский являет редкий тип «писателя-практика», востребованный ныне: «Противодействовать сухому поучению мог всякий писатель с поэтическим чувством..., – но для того, чтобы уничтожить рутину..., нужен... писатель-практик... Практик... приспел даже ранее поэтов» (БДЧ. 1859. № 2. Отд. 4. С. 5). Дружинин убежден, что талант Писемского – феномен более сложный, нежели «поэтическое» дарование: «Многостороннее знание жизни – ...главная заслуга г. Писемского в нашей словесности, и вместе с тем, основание успеха...», «человек, им обладающий, ...обладает и... качествами писателя-художника...» (Там же).

В недостатках романа Писемского Анненков усматривал обратную сторону его достоинств, а именно умение «выразить мысль свою посредством дела». Однако романский жанр потребовал большей психологической сложности, нежели повесть или рассказ: «По... глубине, разнообразию, смешанному свойству побуждений... в большей степени, чем при создании из простой... жизни... требовались... мучительная работа отыскания верной ноты» (курсив автора. – О. Т.). И хотя Писемский справился со своей задачей, сложность ее решения сказалась на читательском впечатлении от романа: «Сила таланта, упорный труд... отразился на... создании и лишил его... полета...»²² Дружинин приходит к близкому выводу, что недостатки романа – погрешности против изящного: «...небольшая сухость и непозитичность изложения», происходящая отсюда «небрежность языка» (БДЧ. 1859. № 2. Отд. 4. С. 9–10). Таким образом, при разности оценок

близость эстетического базиса в суждениях Анненкова и Дружинина о Писемском очевидна. Оба увидели в произведении писателя новаторское в русских и даже европейских масштабах явление, счастливо избежавшее типичных недостатков злободневной «обличительной литературы», но пожертвовавшее современности эстетической законченностью и гармоничностью.

Первые рецензенты усматривали в романе отрадное на общем фоне литературное событие, соединившее постановку злободневных вопросов с усложненной нравственной проблематикой. Одним из немногих противоположных оказался голос М. де-Пуле, вслед за Чернышевским и Добролюбовым утверждавшего, что Писемский не сказал ничего нового, по сравнению с «обличительной» беллетристикой: «Этот образ [Калиновича] – наш старый знакомый... Этот образ воплощался в Надимове и в героях... г. Львова. <...> [Калинович] тоже герой честности и бескорыстия... идеальный чиновник...» (РБ. 1859. № 2. Отд. 3. С. 14).

Анализ критической литературы о романе показал, что она явилась продолжением предшествующей полемики ведущих критиков (А. В. Дружинин, П. В. Анненков, Ап. Григорьев, Е. Эдельсон, С. С. Дудышкин) и журналов о творчестве писателя. Но на рубеже 1860-х гг. в нее вступили новые лица – Н. Ашхарумов, М. де-Пуле, свежие издания шестидесятых. Веяния времени, необходимость совмещать эстетическую независимость с откликом на злободневные проблемы изменили расстановку сил на журнальном небосклоне. Так, разошлись в оценках сторонники «чистого искусства»: Анненков и Дружинин. Последний, в восторге от новаций Писемского, скорректировал прежние эстетические принципы и оказался ближе в своих выводах «москвитянину» Эдельсону. Poleмика вокруг романа спровоцировала расхождения и среди бывших коллег по «молодой редакции» – Е. Эдельсона и Ап. Григорьева. Ап. Григорьев и П. В. Анненков оказались на рубеже 1860-х гг. «последними романтиками»²³, отстаивающими вечные жанрово-эстетические принципы и первенство нравственного влияния литературы на общество. С другой стороны, традиции и методы анализа Ап. Григорьева по-своему преломились в работах начинающих критиков, которые позиционировали себя как независимые (Н. Д. Ашхарумов) либо примыкали в тот период к радикальным (М. де-Пуле). Во многом благодаря критике 1858–1859 гг. в науке утвердилось представление о романе Писемского как об особой жанровой форме русской прозы.

Фактически своим романом Писемский «заставил» каждого критика-читателя, помимо опоры на общественные позиции, исповедать собственные нравственные взгляды: считает ли он возможным достижение общественного блага ценою слезинки кроткой Настеньки? И можно ли искупить нравственное преступление? Ответ на

этот вечный вопрос показал (к скандалу публики), что приверженность концепции издания не исчерпывает нравственного содержания критики. Это высокое нравственное содержание, роднящее романы Писемского и Достоевского, по нашему убеждению, составило типологическую особенность романистики Писемского и предопределило скорую (1860–1863 гг.) травлю писателя радикальной журналистикой.

Примечания

- ¹ Последним выделился Н. А. Добролюбов, как всегда, когда речь шла о критике Писемского. К примеру, он сформулировал свое неприятие в форме рецензии на рецензию на роман Писемского альманаха «Весна», что делает невозможным самостоятельное рассмотрение его отзыва. Указав, что рецензент «Весны» отметил у Писемского «увлечение реальною школою», подчиненность общественной «идее», Добролюбов иронически хвалит его: «Когда припомнишь содержание и развитие романа г. Писемского и вообще пору его литературной деятельности, то невольно удивись тому, как метко попал критик». Иронический подтекст Николая Александровича понятен: он видит в романе Писемского творение устаревшего автора, который и в лучшую «пору» не отличался идейностью и реализмом. «Впрочем, – оговаривается Добролюбов, раскрывая причины обращения именно к этой рецензии, – в статье... есть несколько очень верных замечаний относительно художественной фальшивости характера Калиновича» (Добролюбов Н. Собр. соч. : в 9 т. М. : Л., 1962. Т. 4. С. 376). Надо ли говорить, что содержание добролюбовской рецензии и реальная оценка критика «Весны» далеко разнятся? (см. в нашей статье ниже).
- ² См.: Гин М. Писемский и его роман «Тысяча душ» // Писемский А. Тысяча душ. Петрозаводск, 1955. С. 475–493; Карташева И. Идеино-художественное своеобразие романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ». Казань, 1963; Пустовойт П. А. Ф. Писемский в истории русского романа. М., 1969. С. 83–94, 108–120; Лотман Л. Писемский-романист // История русского романа : в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 121–148; Могиланский А. А. Ф. Писемский. Жизнь и творчество. Л., 1991.
- ³ См.: Зайцева Е. Поэтика психологизма в романах А. Ф. Писемского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008; Фролова Ю. Поэтика романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (художественный синтез сентиментализма и реализма) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.
- ⁴ См.: Аннинский Л. Сломленный. Повесть о Писемском // Аннинский Л. Три еретика. М., 1988. С. 24–30.
- ⁵ Примечание от Редакции к статье М. Ф. де-Пуле. Тысяча душ. Роман в четырех частях Алексея Писемского // Русская беседа. 1859. № 2. Отд. 2. С. 17. В дальнейшем все ссылки на данную статью даются в тексте, с указанием издания, номера, отдела и страницы в скобках.
- ⁶ Покусаев Е. «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина и обличительная беллетристика 50-х годов в оценке Чернышевского и Добролюбова // Вестн. Саратов. пед. ин-та. 1940. № 5. С. 72.
- ⁷ Там же. С. 32–84.

- ⁸ Покусаев Е. «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина... С. 74–75.
- ⁹ Там же. С. 71–72.
- ¹⁰ См.: Оганян Н. К вопросу оценки творчества А. Ф. Писемского русской литературной критикой // Науч. труды Ереван. ун-та. 1960. Т. 70, вып. 2. С. 93–123; Рошаль А. А. Ф. Писемский и русская революционная демократия. М., 1971.
- ¹¹ См.: Оганян Н. Указ. соч. С. 96–109.
- ¹² Дудышкин С. Тысяча душ. Роман в четырех частях, А. Ф. Писемского // Отеч. записки. 1859. № 1. Отд. 2. С. 16. Далее ссылки на данную статью даются в тексте с указанием издания, номера, отдела и страницы в скобках.
- ¹³ См.: Отеч. записки. 1852. Т. 81. Отд. 6. С. 48–68.
- ¹⁴ Анненков П. Деловой роман в нашей литературе // Анненков П. Критические очерки. СПб., 2000. С. 180.
- ¹⁵ Там же. С. 181.
- ¹⁶ Там же. С. 200.
- ¹⁷ Дружинин А. «Тысяча душ», роман А. Ф. Писемского // Библиотека для чтения. 1859. № 2. Отд. 4. С. 11. Далее

ссылки на данную статью даются в тексте с указанием издания, номера, отдела и страницы в скобках.

- ¹⁸ Эдельсон Е. «Тысяча душ»: Роман в 4-х частях А. Писемского // Русское слово. 1859. № 1. С. 55. Далее ссылки на данную статью даются в тексте с указанием издания, номера и страницы в скобках.
- ¹⁹ «...Существует обычай, по которому... издание спешит... стать под знамя какой-нибудь партии и сделаться представителем... направления. <...> “Весна” является под общим знаменем русской литературы...» (курсив автора. – О. Т.) (Ахарумов Н. Д. Предисловие // Весна. Лит. сб. на 1859 год. СПб., 1859. С. III. Далее ссылки на данное издание даются в тексте с указанием отдела и страницы в скобках).
- ²⁰ Де-Пуле М. «Тысяча душ»: Роман в 4-х частях А. Писемского // Русская беседа. 1859. № 2. Отд. 2. С. 62.
- ²¹ Анненков П. Деловой роман в нашей литературе. С. 182.
- ²² Там же. С. 179.
- ²³ Так назвал себя Ап. Григорьев в своей автобиографии, публикуемой на страницах «Русского слова» параллельно полемике о «Тысяче душ» (См.: Григорьев Ап. Одиссея о последнем романтике // Русское слово. 1859. № 1. Отд. 3. С. 1–43).

УДК 821.161.109-22+929Чехов

МОТИВЫ СОПРИКОСНОВЕНИЙ В КОМЕДИИ А. П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА»

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: prozorov@sgu.ru

Заслуживают специального внимания намечаемые драматургами непосредственные соприкосновения персонажей друг с другом. Такие соприкосновения помогают отчетливее распознать характеры героев, природу их взаимоотношений, особенности мизансценического рисунка. В статье подробно рассматривается роль мотивов соприкосновения в комедии А. П. Чехова «Чайка».

Ключевые слова: драма, автор, соприкосновения персонажей, А. П. Чехов, «Чайка».

**Motives of Contacts in A. P. Chekhov's Comedy
The Seagull**

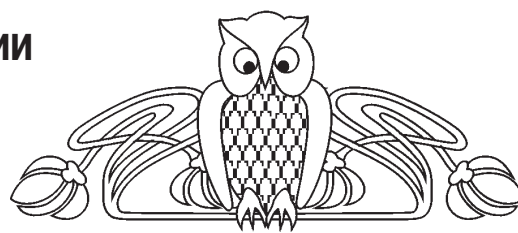
V. V. Prozorov

In the process of studying drama, direct contacts between characters outlined by the author deserve special attention. Such contacts help to clearly identify the characters' dispositions, the nature of their relationship, features of the mise-en-scène pattern. The article focuses on the role of such contact motives in A. P. Chekhov's comedy *The Seagull*.

Key words: drama, author, characters' contacts, A. P. Chekhov, *The Seagull*.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-179-182

В текстах мировой словесности драматический конфликт может проявляться зримо, персо-

нифицированно и действенно, в соответствии с предлагаемыми автором обстоятельствами, а может угадываться в неявно выраженном фабульном рисунке, в самом сложении судеб персонажей, вне их собственных волевых усилий, в общем жизненном укладе, в самой природе бытия. Способы обнаружения драматического конфликта – это и характеросложение героев, и многообразие ситуаций, в которых они, по воле драматурга и по логике сюжета, оказываются. Это и цепь (строй) принадлежащих им речевых монологов и диалогов, и неповторимость авторских ремарок и пауз, и многое другое, что нашло отражение в большой специальной литературе.

Однако, как правило, среди разнообразных форм осуществления конфликта не находится места для осмысления такого особо значимого способа драматического существования, как предусмотренные автором непосредственные, происходящие по ходу действия соприкосновения персонажей друг с другом. Между тем с разной степенью последовательности намеченные в пьесах мирового репертуара физические контакты, сближения и соприкосновения персонажей – одна из очевидных разновидностей непосредственного авторского присутствия в тексте, маркеры яв-